

**Родный О. В.,**  
доктор философских наук,  
профессор кафедры зарубежной литературы  
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

## КАРНАВАЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ФИЛОСОФИИ

**Аннотация.** Статья посвящена выявлению карнавального мироощущения Н. Гоголя как существенной составляющей философии писателя. Показано, что гоголевские размышления о диалогическом характере души, необходимости переосмысления ценностей эстетического гуманизма соответствуют новым принципам художественного мира писателя.

**Ключевые слова:** Н. Гоголь, карнавальность, философия, эстетика, гуманизм, смеховая культура, смех, мировоззрение.

**Постановка проблемы.** Философские взгляды Н. Гоголя раскрываются не столько в его художественных, сколько в эпистолярных и литературоведческих работах: в личных письмах, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», «Авторской исповеди» и др. И в то же время такие основополагающие произведения писателя, как «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор», «Петербургские повести», «Мёртвые души», могут быть осмыслены в контексте именно этих небольших по объёму, но чрезвычайно важных для понимания всего творчества писателя работ.

Острое осознание дихотомии «жизнь – смерть», трагическое ощущение современности, ведущее к постановке философских проблем, сильнейшая комическая составляющая поэтики многих произведений Н. Гоголя позволяют говорить о нем как о писателе, имеющим с традициями карнавальной стихии точки соприкосновения.

**Анализ последних исследований и публикаций.** Гоголеведение – одно из мощнейших направлений в отечественном литературоведении. Мастерство поэтического слова, особенности стиля, типизации персонажей, функции комического, реального и фантастического в произведениях писателя, взаимосвязь романтического и реалистического в его творчестве – эти и другие вопросы поднимаются современными исследователями (Ю. Барабаш, Б. Корман, Ю. Манн, З. Кирилук, В. Мацапура, В. Звизняковский, В. Воропаев, В. Гусев, П. Михед). По словам П. Михеда, «сучасне гоголезнавство – своєрідна культурологічна лабораторія, де відбувається апробація різних наукових методик... Творчість Гоголя і його життя – це своєрідні культурні тексти, що дають багату поживу для гуманітаріїв різних профілів» [8, с. 203]. Н. Радионова справедливо считает, что в творческом наследии Гоголя «заслугує на увагу не лише майстерне володіння словом, а й потужний потенціал основних філософсько-світоглядних ідей, на фундаменті яких побудована оригінальна антропологічна концепція, яку можна вважати соціокультурною репрезентацією української ментальності» [10, с.4].

В отечественной философско-критической мысли творчество Н. Гоголя получило противоречивые оценки. О философских взглядах писателя говорили В. Белинский, Н. Чернышевский, В. Розанов, Н. Бердяев, Д. Мережковский, В. Набоков.

Так, В. Белинский в своем «Письме к Гоголю» назвал писателя «проводником кнута, апостолом невежества, мракобесом», обвинил его во «лжи и безнравственности» [2, с. 245]. В знаменитом эссе «Духи русской революции» Н. Бердяев не только называет творчество Н. Гоголя «художественным откровением зла как начала метафизического и внутреннего», но и пересматривает традиционный взгляд на Н. Гоголя как на реалиста, видя в нем «предтечу современного аналитического кубо-футуристского искусства, намеренно деформирующего действительность» [3, с. 81]. Д. Чижевский называл Н. Гоголя типичным представителем «философии сердца» на украинской почве.

Основные положения романтической эстетики (смещение реальности и вымысла, жизни и искусства, стремление к личной свободе, ирония) пересекаются с атрибутами карнавала. Погружение в атмосферу карнавала возможно только через смех, который в данном случае можно рассматривать в качестве своеобразного проводника в сферу «утопической свободы» и особого, праздничного, постижения истины. С другой стороны, самой характерной формой эстетического отношения Н. Гоголя к действительности был смех. От непосредственного, простодушного смеха, преобладающего в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», до «смеха сквозь слезы» (в «Петербургских повестях», «Ревизоре», «Мёртвых душах»), от лукавого до осуждающего, от дружеского до сатирического – такова в общих чертах тенденция развития гоголевского смеха в художественном творчестве.

**Целью статьи** является выявление особенностей карнавального мироощущения как существенной составляющей философии Н. Гоголя, и которая, в свою очередь, является важной для деконструкции гоголевских художественных текстов, позволяющей углубить наши знания о художественном мире писателя.

**Изложение основного материала.** Эстетический идеал Н. Гоголя формировался под влиянием идейно-художественной атмосферы романтизма, прежде всего немецкого. В натурфилософии Ф. Шлегеля писателя привлекал ее синкретизм: объединение философии, религии и искусства. Ф. Шлегель не только требует от поэта универсальности, но и выдвигает идею совместного, коллективного творчества. Новая мифология возникнет из глубин человеческого духа, ее источником будет мистическое переживание – ощущение божественности мира, его бесконечности и полноты. Ф. Шлегель говорит о необходимости религиозного, мистического восприятия мира, который «наполняет чувство жизни идеями бесконечного». Таким образом, религиозное чувство должно стать основой современной поэзии. Безусловно, эти идеи не могли оставить Н. Гоголя, воспитанного на нравственно-религиозных ценностях, равнодушным и нашли отражение в его творчестве. «Християнська антропологія М. Гоголя є засобом проникнення до основ людського буття. Бінарні

опозиції «Бог – чорт», «добро – зло», «світло – темрява», «життя – смерть» лежать в основі ускладненої онтології, що притаманна філософським поглядам М. Гоголя» [10, с. 11].

Художественное сознание писателя отличается дуализмом: с одной стороны, идеализация определенных сторон действительности, с другой – комическое воспроизведение жизни; поляризация духовного и земного и в то же время осознание их связи и взаимообусловленности. Для творчества писателя характерны такие оппозиции: «разобщенный мир – единый мир», «бездуховное – духовное», «прошлое – настоящее». Реальность в сознании Н. Гоголя предстает либо абсурдно-нелепой, либо откровенно страшной. В 40-х годах XIX века определяющим фактором художественного сознания писателя становится религиозность, христианское осмысление сути и функций искусства, миссии художника и смысла собственного творчества. Оппозиция «духовное / живое – бездуховное / мертвое», понимаемая с религиозных позиций, становится основным принципом художественного мира зрелого Н. Гоголя.

Художественный мир Н. Гоголя, на первый взгляд, лишен и бытовой, и философской логики: это мир мистический, неправдоподобный, фольклорный. Для В. Набокова, например, гоголевская проза – нарушение норм существования реальной действительности: «Что-то очень дурно устроено в мире, а люди – просто тихо помешанные, они стремятся к цели, которая кажется им очень важной, в то время как абсурдно-логическая сила удерживает их за никому не нужными занятиями» [9, с. 481]. Н. Гоголь был убежден: «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости» [5, с. 337].

Философские взгляды Н. Гоголя формируются вокруг понятий эстетики и морали, красоты и добра. С особой остротой Н. Гоголь вскрывает противоречие между красотой и добром. Моральный же идеал воспринимается им как недостижимый. Н. Гоголь считал, что человек ответственен за свое бытие и свое развитие. Поэтому он обязан быть не только критиком действительности, но и критиком самого себя. Его нравственный долг состоит в преодолении собственных недостатков и воспитании благих нравственных качеств.

Основной философский и художественный интерес Н. Гоголя – человеческая душа, которую вслед за Г. Сковородой писатель называет «сердцем»: «Сердце человека – колодец». Но путь к познанию человеческой души начинается с души собственной. Именно чувства и переживания позволяют раскрыть себя душе, пробудить в ней сокровенные чувства.

Феноменальная фигура Н. Гоголя появилась на фоне разложения эстетического гуманизма. Вначале Н. Гоголь был увлечен романтическим эстетизмом, но постепенно он понимает, что эстетика принципиально вне морали. Он уже не видел в современности ни единства, ни цельности, ни гармонии. Н. Гоголь говорил о построении нового мировоззрения. Писатель, увлекшись сначала эстетическим гуманизмом, который был разработан Ф. Шиллером и В. Гумбольдтом, заключил, что эстетическая и этическая сферы в человеке настолько связаны между собой, что одна без другой развиваться не может. Он увидел трагизм эстетического гуманизма, выразившийся в утопических мечтах о торжестве идеалов гармонии во всем человеческом обществе.

Как указывает Е. Рачин, «зачем Гоголя сопровождало повсюду желание восхищаться красотой души человека? Зачем в человеке лежит страсть к отысканию истин? Всё это и дру-

гие многочисленные «зачем» обрисовывают мировоззрение человека, его стремление превратить неорганизованный хаос вокруг себя в организованную систему взаимодействий и взаимоотношений, которая собственно и есть правильная жизнь человека» [11, с. 85].

Если для раннего творчества Н. Гоголя было характерно романтическое мировоззрение с намечающимися векторами в сторону морально-религиозных поисков, то описывая поздний период, можно говорить о религиозном мировосприятии писателя, окрашенном в романтические тона: «В центре своеобразной эстетической антропологии Н. Гоголя стоит творческая эстетическая сила в человеке. Важнейшее место в иерархии авторских ценностей занимает гармония морального и эстетического в человеке, а именно красоты внешней и внутренней (душевной). В их разъединении Н. Гоголь, как истинный романтик, видит трагедию» [12, с. 5]. Примирить красоту внутреннюю и внешнюю, преодолеть страх перед «мерзостью жизни», считал Н. Гоголь, можно и нужно посредством смеха. Для преодоления низменных страстей, для искоренения человеческой греховности Н. Гоголь предлагает очистительную силу смеха, отвечающую его философским воззрениям.

М. Бахтин в качестве существенного момента карнавално-праздничного смеха рассматривает острое ощущение победы над страхом, которое, по его мнению, находит выражение в ряде особенностей смеховых образов карнавала. Победенный смехом страх в них предстает в форме уродливо-смешного, страшное в этом случае становится «веселым страшилищем». Смех же, по мнению М. Бахтина, прояснял сознание человека и раскрывал для него мир по-новому, однако победа смеха над страхом была такой же эфемерной и утопичной, как и свобода.

Смех, по мнению М. Бахтина, имеет две формы: внешнюю – защитную, которая предстает перед нами в момент победы человека над страхом, и внутреннюю – направленную на раскрытие истины, так как смех «раскрывал материально-телесное начало в его истинном значении», «раскрывал глаза на новое и будущее» [1]. Именно внутренняя форма смеха присуща мировоззрению Н. Гоголя и характерна для его творчества.

Любой художественный образ, построенный по принципу карнавалного, стремится охватить и объединить в себе оба составляющих компонента антитезы: рождение – смерть, юность – старость, верх – низ, лицо – зад, хвала – брань, утверждение – отрицание, трагическое – комическое. Этот принцип проявляется в карнавализованной литературе, в частности, в характерных для нее парных образах, построенных как по контрасту, так и по сходству.

В творчестве Н. Гоголя содержатся почти все элементы народно-праздничной культуры: дихотомии «красота – добро» (народные типы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»), «красота – уродство» (Хлестаков в «Ревизоре»), отсутствие морального идеала (Чичиков и помещики в «Мертвых душах»), переверачивание «верха» и «низа» (майор Ковалёв в повести «Нос»), сниженная лексика, скатологические (Плюшкин в «Мертвых душах») и «пиршественные» (Собакевич в «Мертвых душах») образы и т. п. Ему было привычно карнавальное мироощущение, правда, в большинстве случаев романтически окрашенное.

Как указывает Ю. Манн, «переосмысление мотивов, образов и сцен, традиционно связанных с народной карнавалной смеховой культурой, усложнение амбивалентности, зияющий контраст индивидуальной смерти и жизни целого, обостренно-трагическое ощущение этого контраста, ведущее к поста-

новке философских проблем, – все это заставляет видеть в Гоголе характернейшего комического писателя нового времени, несводимого к традиции карнавалового смехового начала» [7, с. 114]. Вопросом комической стороны творчества Н. Гоголя задается и И. Гарин: «М.М. Бахтин находил у Гоголя народную смеховую культуру и раблезианскую карнавальную традицию. Но был ли смех Гоголя (впрочем, как и Рабле) «светлым», «высоким». Совместимы ли мёртвые души и омертвление вообще с карнавалом?» [4, с. 82]. Отвечать на эти вопросы, по нашему мнению, следует утвердительно, принимая при этом во внимание неоднозначность смеховой природы у Н. Гоголя.

Индивидуально значимую, субъективную рефлексию (использование художником смеха против самого себя с целью «очищения души» и нравственного самосовершенствования) Н. Гоголь стремится перевести в общезначимую объективную рефлексию, стремится обратить смех каждого и общества в целом на искоренение общих пороков ради духовного обновления человека и общества. А если уж смеяться, говорит Н. Гоголь, то смеяться сильно над тем, что действительно достойно всеобщего осмеяния.

Описывая греховное побуждение человеческих страстей, Н. Гоголь, в соответствии со своими философскими взглядами, при помощи смеха стремится перевернуть их природу, указывая единственный путь спасения – очищение души: «Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их... Смехом, которого так боятся низкие наши страсти! Смехом, который создан для того, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значение! Отнимем его у тех, которые обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Таким же точно образом, как посмеялись над мерзостью в другом человеке, посмеемся великодушно над мерзостью, собственной, какую в себе ни отыщем!» – пишет Н. Гоголь [6, с. 233]. Гоголевские слова полностью соответствуют теории карнавала, разработанной М. Бахтиным.

Однако если М. Бахтин ассоциировал карнавальность творчества Н. Гоголя с карнавальностью «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, то известный исследователь творчества Н. Гоголя Ю. Манн в своей монографии «Поэтика Гоголя» выделяет те свойства карнавала в творчестве писателя, которые отличаются от карнавала «раблезианского». С одной стороны, в произведениях Н. Гоголя соблюдаются основные критерии карнавала (всеобщее веселье; отступления от социальных, моральных, этических правил; неповиновение, проделки, переодевания; любовная интрига; сниженные образы и лексика; переворачивание «верха» и «низа»), но в ряде случаев у Гоголя они претерпевают изменения. Так, Ю. Манн говорит об особенностях карнавального мироощущения у Н. Гоголя: «Двузначность, двусмысленность, обоюдоvalентность остается, но ее логика становится прихотливее и <...> непредсказуемее. «Веселое» сменяется не просто «грустным» (для того чтобы затем уступить место «веселому»), но чем-то непонятным, инородным» [7, с. 211]. Веселье у Н. Гоголя неразлучно с унынием и тревожным ожиданием. «Какими бы радостными и раскованными ни были гоголевские герои, мы чувствуем, что это не всё.словно какая-то грустная и странная нота готова в любую минуту оборвать веселие» [7, с. 213]. В карнавале нет зрителей, там все – действующие лица. У Н. Гоголя же всегда присутствует повествователь. И именно его неучастие в общем действе окрашивает его в грустные тона. Крах ренессансного эстетиче-

ского гуманизма с его стремлением к идеализированному миру и «благородному» человеку, божественная сущность которого всегда адекватно проявляется в его внешности, характере и поступках, просматривается во всем творчестве писателя.

Древняя карнавальная традиция приобретает в произведениях писателя вместе с традиционными и самобытные функциональные значения. Особенно трансформировалась карнавальная жизнетворческая функция, изменив символику смерти – преображения и возрождения на символику смерти – обездушенности и разложения. «Гоголевский карнавал стал театром обманов, переросших амбивалентное ритуальное лицедейство, чтобы превратиться в прямого носителя нравственно определенного знака зла» [13, с. 9].

Карнавализация в творчестве Н. Гоголя лишена открыто-материальной телесности, праздничности, фарса. Если М. Бахтин удачно сравнил раблезианский карнавал с веселым деревенским мальчуганом, шлепающим по лужам и обрызгивающим всех грязью, то символом гоголевского карнавала нам представляется семинарист, с лукавой усмешкой всматривающийся в мир и посредством смеха пытающийся отделить добро от зла.

Выводы. Смех является существенным атрибутом общественного бытия, предстает специфическим видом духовной деятельности человека и общества, нацеленным на постижение окружающего мира. Важнейшая функция смеха гносеологического порядка заключается в разграничении истины и лжи, добра и зла, что способствует образованию завершеного мировоззрения. Карнавальная смех в творчестве Н. Гоголя способствовал выработке цельного мировоззрения, нивелированию абсурда, превосхождению противоречий. Именно рефлексия смеха открывает ограниченность, фрагментарность «монологических типов» мироощущения, основывающихся на целостности знания, и выявляет диалогическую стихию культуры, порождающую множественность ее форм.

Н. Гоголь полагал, что назначение смеха, его истинное, высокое, назначение, – нести примирение в душу.

В эпоху романтизма в отечественной культуре происходил процесс становления национальной идеи, которая утверждалась в контексте формирования национального самосознания народов Европы. Гоголевские размышления о диалогическом характере души, истины и заблуждения, об ответственности человека за свое бытие, необходимости переосмысления (через смех) универсальных ценностей, влияние на общественное поведение моральной и религиозной философии, и т. д. не потеряли своего значения и в современных условиях и требуют всестороннего исследования, как литературоведческого, так и философского.

#### Литература:

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Худ. литература, 1990. – 543 с.
2. Белинский В. Письмо Гоголю / В. Белинский // Н.В. Гоголь в русской критике: сб. ст. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. – С. 243–252.
3. Бердяев Н. О русских классиках. Духи русской революции / Н. Бердяев. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 78–98.
4. Гарин И. Загадочный Гоголь / И. Гарин. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 654 с.
5. Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. Гоголь // Гоголь Н. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994– . – Т. 6. – 1994. – С. 321–348.
6. Гоголь Н. Приложения к «Ревизору» / Н. Гоголь // Гоголь Н. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994– . – Т. 6. – 1994. – С. 226–245.

7. Манн Ю. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – М. : Худ. литература, 1988. – 413 с.
8. Михед П. Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст / П. Михед. – Ніжин, 2002. – 208 с.
9. Набоков В. Николай Гоголь / В. Набоков // Набоков В. Собрание сочинений американского периода : в 5 т. – СПб., 2000– . – Т. 1. – С. 400–522.
10. Радіонова Н. Філософсько-антропологічні інтенції творчості М.В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. філос. наук : спец. 09.00.04 «Філософська антропологія, філософія культури» / Н. Радіонова. – Х., 2000. – 18 с.
11. Рачин Е. Духовный свет Н.В.Гоголя / Е. Рачин // Философия Н.В.Гоголя : мат. научно-практ. конф. в МГПУ, посвященной 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя (май 2009 года). – М., 2009. – С. 5–108.
12. Супрун А. Філософські погляди М.В. Гоголя в контексті українського романтизму 2004 року : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : спец. 09.00.05 «Історія філософії» / А.Г. Супрун. – К., 2004. – 16 с.
13. Черная Т. Синтез архаических и художественно-индивидуальных поэтических структур в творчестве Н.В. Гоголя / Т. Черная // Вестник Ставропольского государственного университета – 2009. – Вып. 64. – С. 5–14.

### **Родний О. В. Карнавальність творчості М. Гоголя в контексті його філософії**

**Анотація.** Стаття присвячена виявленню карнавально-світовідчуття М. Гоголя як суттєвої складової філософії письменника. Показано, що гоголівські роздуми про діалогічний характер душі, необхідність переосмислення цінностей естетичного гуманізму відповідають новим принципам художнього світу письменника.

**Ключові слова:** М. Гоголь, карнавальність, філософія, естетика, гуманізм, сміхова культура, сміх, світогляд.

### **Rodniy O. Gogol's works carnival in the context of his philosophy**

**Summary.** The article is devoted to the identification of N. Gogol's carnival spirit as an essential part of writer's philosophy. It is shown that N. Gogol's thinking about the soul dialogical nature, necessity for reconsideration of the aesthetic values of humanism correspond to the writer's new principles of the artistic world.

**Key words:** N. Gogol, carnival, philosophy, aesthetics, humanism, laugh culture, laughter, ideology.